

DOI 10.15393/j9.art.2015.3382

УДК 821.161.1.09“18”-32

Оксана Александровна Сосновская*Петрозаводский государственный университет**(Петрозаводск, Российская Федерация)*

sosna2679@yandex.ru

ГЕНЕЗИС ЗАМЫСЛА И ЖАНРА В ТВОРЧЕСКОЙ ИСТОРИИ ПОВЕСТИ И. С. ШМЕЛЕВА «В НОВУЮ ЖИЗНЬ»*

Аннотация. И. С. Шмелев начал свой творческий путь как детский писатель. В начале XX века он создал значительное количество произведений для детей, публиковался в журналах для юношества. В одном из таких журналов — «Юная Россия» — вышла повесть Шмелева «В новую жизнь». Статья посвящена изучению творческой истории повести: процессу зарождения и генезиса художественной идеи этого текста, рассмотрению этапов его создания, анализу редакций, поэтики. Работа над произведением шла в два этапа, нашедших отражение в трех редакциях повести. На первом этапе писатель работал над созданием очерка о жизни современной ему деревни. Позднее очерк стал предысторией сюжета повести о деревенском мальчике, вырванном из среды и ищущем свой путь в жизни. Изменился не только жанр — углубилось и идейное содержание произведения. Основная идея автора, пронизывающая всю повесть, есть идея научного познания природы и жизни, получения образования, способного улучшить жизнь простого человека. В повести «В новую жизнь», основное внимание которой сосредоточено на изображении социальной стороны жизни, выявляются истоки самобытности авторской манеры писателя, его неповторимого стиля и языка.

Ключевые слова: И. С. Шмелев, «В новую жизнь», творческая история, редакции, поэтика, детская литература

Иван Сергеевич Шмелев начинает свой путь в литературу на рубеже XIX–XX веков преимущественно как детский писатель. Это время можно считать временем расцвета отечественной детской литературы. Значительное количество писателей адресуют свои произведения детям, появляется большое количество специализированных журналов и издательств, ориентированных на детскую аудиторию, в детскую литературу входят новые темы.

Одним из таких журналов для юного поколения являлось популярное в то время издание «Юная Россия» под руководством Д. И. Тихомирова, который «как опытный редактор понимал, что в новых условиях <...> журнал не может оставаться неизменным. Юная Россия — читатели-подростки — хотели знать, что творится вокруг и как к этому относиться» [4, 73]. В книгоиздательстве Тихомирова («Издание редакции “Юная Россия” и “Педагогический листок”») в 1907 году и вышла в свет повесть «В новую жизнь» — одно из первых опубликованных произведений Шмелева.

После вышедшего в 1895 году рассказа «У мельницы» и очерка «На скалах Валаама», изданного автором на свои средства в 1897 году и не имевшего успеха у читательской публики, он на несколько лет оставил мысли о литературном труде. Возможно, эта неудача стала причиной творческого застоя, когда «не было ни малѣйшаго желанія»¹ писать. В это время Шмелев собирался стать адвокатом, затем служил во Владимирской казенной палате, много читая и познавая жизнь провинции изнутри. Но служба не приносила ему удовлетворения и, по словам писателя, в конце концов «опротивѣла»². Шмелев «въ тоскѣ искалъ выхода»³ и нашел его, написав в 1905 году рассказ для юношества «К солнцу!». Именно тогда он окончательно решил стать писателем. Повесть «В новую жизнь» наряду с другими детскими произведениями: повестью «Служители правды» и рассказом «Гассан и его Джеджи», увидевшими свет годом ранее, — стала одним из произведений, которые, так сказать, вернули Шмелева на писательскую стезю.

Статья посвящена изучению творческой истории повести «В новую жизнь»: процессу зарождения и генезиса художественной идеи этого текста, рассмотрению этапов его создания, анализу редакций, поэтики. Материалом для изучения творческой истории служат рукописные источники, хранящиеся в НИОР РГБ, в фонде И. С. Шмелева (ф. 387.1.12–13)⁴, и первое прижизненное издание произведения⁵.

Кодикологическое описание рукописи

Единица хранения № 12 представляет собой составную рукопись, условно разделенную на 3 части (а, б, в) и пронумерованную сотрудниками НИОР РГБ полистно в последовательности: в, а, б.

1 (в). Разрозненные листы. Л. 1–9, всего 9 л. Без заглавия. Не датированы. Черновой автограф. Написаны чернилами (л. 1–8) и карандашом (л. 9–9 об.) на согнутых вдвое листах писчей бумаги (л. 1–6 об.) и на отдельных листах в крупную клетку, вырванных из блокнота (в верхней части листов — следы перфорации) (л. 7–9 об.). На л. 1 об.–2 (разворот листа) треть листа с левой стороны занимают черновые материалы к повести (текст расположен вертикально), а 2/3 справа — черновик письма И. С. Шмелева к Д. И. Тихомирову о посылке ему новой повести «Мэри» (фамилия адресата не указана, без даты (1906–1907 годы<?>), нач.: «Глубокоув. Дм. Ив» (л. 2)). На л. 5 об.–6 (разворот листа) текст расположен также горизонтально в два столбца. На л. 5–6 — авторские маргиналии: арифметические подсчеты карандашом и чернилами. Авторская правка.

2 (а). Л. 10–29 об., всего 20 л. Заглавие: «Очерк» (без названия) (л. 10). Датирована рукой И. С. Шмелева: «Янв. 14 — 99 г.» (л. 10). Черновой автограф. Написана чернилами на согнутых вдвое листах писчей бумаги, сложенных в тетради (тетради не прошиты). Л. 10–28 пронумерованы автором постранично как с. 1–21 (между страницами с цифрами 19 (л. 20) и 20 (л. 27 об.) пропущены без номеров 14 страниц; номер страницы 17 употреблен дважды (см. л. 18, 19), на л. 18 об. — также повторяющийся номер (вероятно, «18»)). Авторская правка.

3 (б). Л. 30–59, всего 30 л. Заглавие: «Новой дорогой!», «Новая жизнь» (дважды) (все на л. 30), «Новая дорога» (л. 30 об.; на этом же листе выше зачеркнуто название «Деревня»). Черновой автограф. Написана чернилами (л. 30–58) и карандашом (л. 58–59) на согнутых вдвое листах писчей бумаги, сложенных в тетради (в начале рукописи тетради прошиты, во второй половине — нет). На л. 30 — авторские маргиналии: слово «последний» (дважды), арифметические

подсчеты (чернилами), план участка реки (карандашом) с обозначением каменного и деревянного мостов, мостов «на судах» и «на плотках», водяной мельницы, запруды и т. п. Авторская правка.

Сохранность рукописи: в левой нижней части л. 4 вырван прямоугольный фрагмент, видимо, до того, как лист был использован для черновика; рукописный текст идет «в обход» по правой стороне нижней части листа. У л. 5 обрезан правый верхний угол. На л. 1 об., 2, 3 об., 5 об., 6 об., 10, 19, 20 об., 21, 25 об., 26, 28 об., 30, 44 об., 46 об., 53 об., 54, 55 об.—57 — чернильные пятна.

Единица хранения № 13 представляет собой составную рукопись, условно разделенную на 2 части (а, б) и пронумерованную сотрудниками НИОР полистно.

1 (а). Л. 1–71, всего 71 л. Заглавие: «В новую жизнь» (л. 1). Датирована рукой И. С. Шмелева: «25 окт. 1906 г.» (л. 1), в конце текста — «23/III. 1907 г.» (л. 69; здесь же подпись: «Ив. Шмелев»). Черновой автограф. Написана чернилами на согнутых вдвое листах писчей бумаги, сложенных в тетради (тетради не прошиты). Л. 26 об.—36 пронумерованы автором постранично как с. 52–71, л. 37 — как с. 72 (л. 36 об. без нумерации), л. 37 об.—как с. 71, л. 38 — как с. 73, л. 38 об.—57 об. — как с. 74–112. На л. 70–71 — черновик письма И. С. Шмелева к Елене Николаевне (очевидно, Е. Н. Тихомировой, жене Д. И. Тихомирова) по поводу повести (фамилия адресата не указана, без даты, нач.: «Глубокоуважаемая Ел. Ник.» (л. 70)). На л. 69 об. — авторские маргиналии: арифметические подсчеты. Авторская правка.

2 (б). Л. 72–80, всего 9 л. Отрывок без начала (нач.: «черь хозяйкѣ. Вѣчно кашлявшая, чахоточная женщина, прошедшая суровую школу Ивана Максимыча, Татьяна Петровна находила массу случаевъ показать хозяйскій глазъ»). Не датирована. Беловой автограф. Написана чернилами на согнутых вдвое листах писчей бумаги, сложенных в тетрадь (текст только на лицевой стороне листов). На л. 80 рукой И. С. Шмелева написано черновое оглавление повести «В новую жизнь» (гл. 1–27; название не указано). Авторская правка (л. 77–79).

На внешних полях л. 72–75, 80 — росчерки чернилами типа пробы пера.

Сохранность рукописи: у л. 78 оторван правый верхний угол (с утратой текста). На многих листах рукописи I (а) — чернильные пятна.

Начало работы над повестью относится к 1899 году, о чем свидетельствует помета рукой И. С. Шмелева: «Янв. 14 — 99 г.» (ЧА 12, 10)⁶. Впечатления, полученные им во время службы от общения с разными людьми в поездках по России в атмосфере начинающихся перемен, вызвали горячий отклик, нашедший свое художественное выражение в очерке о быте и нравах деревни. Позже этот материал стал основой повести о вырванном из среды мальчике, ищущем свой путь.

Анализ рукописного материала обнаруживает два этапа работы над текстом и позволяет выделить три редакции произведения. На первом этапе, отраженном в Первой редакции (выделяются два ее варианта: 2 (а) и 3 (б)), Шмелев начал писать очерк о жизни современной ему деревни (1899 г.). Второй этап работы продолжался с октября 1906 года по февраль 1907 года. Шмелев уходит от идеи очерка и сосредотачивается на образе деревенского мальчика и выборе им жизненного пути, жанрово оформляя эту идею как повесть. В процессе художественного осмысления этой идеи автор создает Вторую редакцию, в рамках которой выделяются три варианта: Первый вариант — черновые записи на разрозненных листах — 1 (в), имеющие частичную композиционную и стилистическую цельность. Второй вариант — 1 (а) — сохранился полностью. Третий представлен фрагментом беловика — 2 (б). Окончательная (Третья) редакция повести опубликована в 1907 году в издательстве «Юная Россия» Д. И. Тихомирова. Она имеет значительные отличия от Первой и Второй редакций.

Сохранившиеся рукописи не позволяют установить дату завершения работы над произведением. Известно, что в сентябре 1907 года Шмелев еще продолжал работать над окончательным вариантом повести, обсуждая его с издателем (см. письмо Д. И. Тихомирова к Шмелеву, датированное

29 сентября 1907 г. НИОР РГБ. Ф. 387.9.44). Таким образом, можно утверждать, что автор продолжал работу над текстом с разной интенсивностью в течение восьми лет. От редакции к редакции изменялся его замысел, идейно-тематическое содержание, система персонажей, жанр.

В **Первой редакции** автор повествует о крестьянской жизни маленькой деревни Хворовки в ежедневном ее течении, описывая нищету, упадок деревенских нравов, беспробудное пьянство. Изображение убогости, трудности, беспробудности крестьянской жизни контрастирует с описанием любви к «земле-матушке», неразрывной связи человека и природы. Хронотоп деревни типизирован, он символически расширяется до масштабов страны, в которой множество подобных деревенок. Позднее в произведениях писателя появлялся образ деревни, схожий с художественно воссозданным в очерке. Хворовка похожа на Ключевую из «Росстаней», Ляпуновку из «Неупиваемой Чашы», на деревню из «Светлой страницы». Эти деревеньки всегда «в низине», «в тихом углу», «в зарослях лопуха»: они скрыты от мира, отделены от него какими-то невидимыми «стенами» (см. об этом: [6], [9]). Такая организация пространства помогает автору выразить некую обособленность и отделенность от всего другого, суетного, чуждого миру природы. И уже начиная с этого раннего очерка можно говорить о тех особенностях изображения мира природы в произведениях писателя, которые впоследствии станут очевидными, константными. У Шмелева природа больше чем просто фон или пейзажная зарисовка для создания определенной, необходимой автору атмосферы. Природа — зачастую самостоятельный персонаж произведения, «дышащий», «живущий». Так, в очерке описание родной деревни главного героя от имени («Хворовка») до конкретных деталей (окруженная «болотинной», она кажется герою «жалкой», «грязной») построено на выявлении мотива отдаления человека от природы. Красоту ее видит лишь дед Савелий, любящий ее «бескорыстной», «детской» любовью, который «слушает, что говорит земля», но «книга природы» для него «таинственна». Описание

природы неразрывно связано с символически важным образом земли, которая у Шмелева «бесплодна», будто «болеет», «перестала родить». Мотив отдаления от природы усилен посредством антитетического изображения спокойствия природы, воли полей, песен жаворонка весной и изображения приближения чего-то нового, неизвестного, выражающегося то протяжными гудками, нарушающими звенящую тишину, то видом торчащей из-за полей высокой кирпичной трубы суконной фабрики.

Основная коллизия очерка определяется разным отношением местных жителей к надвигающимся переменам, символом которых является железная дорога. Закономерно, что в заглавии очерка было два варианта: «Новая жизнь» и «Новой дорогой». Железная дорога, строящаяся людьми «из города», разделяет деревенские земли надвое, а жителей деревни — на два лагеря. Представители первого ратуют за перемены. Другие — продолжают следовать старому укладу, они показаны людьми, переживающими кризис мировоззрения. Их поведение определено отсутствием доверия к переменам. «Недоверие» воплощается в общественном мнении: от лица деревенских жителей его выражает вечно пьяный, праздношатающийся, неработающий, но любящий поговорить о порядках и крестьянской нужде Митрий, на которого жена «давно махнула <...> рукой» и которому «въ сущности было совершенно безразлично — пройдет или нѣтъ дорога мимо Хворовки» (ЧА 12, 53). Представления о справедливости деревенского жителя и жителя городского противоположны по своей сути. Причины таких различных взглядов и в тяжелом крестьянском труде, и в необразованности жителей села, и в страхе личной ответственности.

Первая редакция, как уже упоминалось, сохранилась в двух вариантах, имеющих стилистические различия. Эти различия наиболее наглядно прослеживаются в портретных описаниях жителей Хворовки. Обратимся к портрету одного из ярких персонажей очерка — пьяницы Митрия.

Первый вариант

Это былъ долговязый, неуклюжий мужикъ съ тупымъ⁷ лицомъ и⁸ удлинненной головой,⁹ на которой съ трудомъ удерживался маленькій, почти дѣтскій картузикъ гораловаго цвѣта, совершенно выгорѣвшій на солнцѣ. <...> Митрій принадлежалъ къ такому сорту людей, отъ которыхъ «проку» ожидать нечего.¹⁰ Съ раннихъ лѣтъ онъ пристрастился къ природѣ. Онъ любилъ воду и цѣлыми ночами сидѣлъ на утлой челнѣ, на рѣкѣ <...> Природа, свобода и водка¹¹ — вотъ все несложное содержаніе¹² его жизни». (ЧА 12, 19–19 об.)

Второй вариант

Это былъ долговязый, неуклюжий мужикъ, съ удлинненной головой, на которой съ трудомъ удерживался маленькій, точно дѣтскій картузь гораловаго цвѣта, совершенно выгорѣвшій на солнцѣ. <...> Митр<ій> былъ человѣкъ оригинальнаго склада. Съ раннихъ лѣтъ онъ пристрастился къ природѣ. Онъ любилъ воду и цѣлыми ночами сидѣлъ на рѣкѣ
(ЧА 12, 38–39).

Творческий процесс создания образа основан на удалении избыточной лексики, подборе более точных и выразительных эпитетов. Автор убирает из описания выражение «с тупым лицом». Вероятно, данная характеристика имеет слишком негативную и яркоокрашенную уничижительную коннотацию. Сатирически заостряя шутовские качества своего героя, Шмелев во Втором варианте Первой редакции говорит о нем, что он «человек оригинального склада», отказываясь от более упрощенной характеристики, относящей персонажа «к такому сорту людей, от которых “проку” ожидать нечего».

В очерке еще нет героя, который четко заявляет о своем принятии «новой жизни» и своем участии в ней. Сеня, в отличие от деда, не боится свистка недавно построенной суконной фабрики и думает, что «здорово то будетъ», когда мимо поедут машины (ЧА 12, 56). Он пока лишь робко говорит деду о том, что тоже уедет в город на машине. Но это не его решение, а решение его родителей, желающих облегчить свое существование, отправив ребенка «в люди». В Первой редакции мальчик Сеня более близок деду, который любил землю «безсознательной, мучительной любовью» (ЧА 12, 21 об.). Сеня

«одинъ только вѣрилъ дѣду и его маленькое сердце тосковало... Въ немъ зарождалась любовь къ землѣ и ему было обидно теперъ¹³ и за эту землю, и за облака — за фабричную трубу — и за дѣда» (ЧА 12, 26 об.).

Шмелев, с детства общавшийся с простыми людьми на замоскворецком дворе отца, куда «каждую весну со всех губерний центральной России стекались по найму сотни рабочих различных со своими обычаями, красочно-богатым языком, преданиями, сказками, песнями, меткими присловьями» [11, 10], впитал в себя всю красоту и богатство живой устной речи. На страницах очерка о деревне он мастерски реконструирует ее красочное многообразие, расцветивает повествовательную ткань произведения отрывками из фольклорных текстов разных жанров — поговорками («про-рокъ... на печи промокъ» (ЧА 12, 11), «чай да сахаръ!») (ЧА 12, 17 об.) и пр.), диалектизмами и просторечиями («нащодъ», «нонича» и т. п., «таперичи», «ѣздютъ», «чижало», «ёнъ»), песнями («Но балоф-ы-ства миня сы-губи-ила, Я сбился съ пра-а-ведной-ой пути Въ одну-уу дѣфченку я вы-любился» или «Эхъ¹⁴... я поѣду на ффатеру Куплю себѣ пистолеть» (ЧА 12, 23). Речевые характеристики находятся во взаимосвязи с возрастом, характером, положением персонажей. Речь отца Сени, работающего в городе, почти не содержит диалектных и простонародных слов, в то же время фразы Митрия, яркого представителя деревенских «лентяев» и «пропойц» или Семена Рыжего насыщены простонародной лексикой. Довольно часто здесь для более точной и правдивой передачи разговорной речи персонажей автор намеренно искажает слова, стараясь придать им облик народной речи («аблакат», «нащодъ» и т. п.). Подобный прием будет нередко использоваться Шмелевым и в более поздних произведениях.

Заканчивается очерк разговором Сени и деда Савелия о земле и о том, что принесут ей грядущие перемены. Сеня повторяет слова учителя о необходимости знать землю, чтобы жить и трудиться на ней. Дед отвечает: «Учонный челоуѣкъ... онъ, братъ знаешь...» (ЧА 12, 25 об.). Здесь проявляются авторские интенции, позже воплотившиеся

в идею, разработанную автором во Второй редакции повести: «новая жизнь» невозможна без знаний. Одной любви к земле оказывается недостаточно¹⁵.

Ярче показать неразрывную связь человека и природы Шмелеву помогает изображение деревенской жизни в тесной связи со значимыми датами церковного календаря, который переплетается с древними, дохристианскими поверьями и приметами: если на крещение снег — будет урожай, пасмурно — также к урожаю, если ясно — к неурожаю.

Анализ первого этапа работы над произведением показывает творческий процесс разработки автором темы деревни и ее состояния в нелегкое время перемен, выявляя авторскую направленность на осмысление данной темы. В очерке Шмелев акцентирует внимание на проблеме отношения жителей деревни к переменам, оставляя открытым вопрос о способе возможного ее разрешения.

После семилетнего перерыва Шмелев возвращается к работе над текстом. Этот этап реконструируется по Второй редакции, дошедшей до нас, как уже сказано, в трех разных по объему вариантах.

Первый вариант Второй редакции.

Шмелев начал работу над текстом с набросков, которые он делал на случайно попавшей под руку бумаге: имеются записи как на согнутых вдвое листах писчей бумаги, так и на отдельных листах в крупную клетку, вырванных из блокнота, в верхней части которых видны следы перфорации. Не исключено, что некоторые листы были утрачены. Согласно новому замыслу автора, главным героем повествования должен был стать простой деревенский мальчик Сеня, вынужденный поехать в город и бороться за свое существование. В этих записях на разрозненных листах также намечена персональная система, схематично отражена композиция будущей повести.

Решив переделать очерк в произведение для юношества, автор не просто рассказывает о переходном состоянии деревни, но и ставит проблему выбора ребенком своего места в этой меняющейся жизни. О том, что данная тема

действительно занимала и беспокоила писателя, говорит множество фактов. В черновике письма к редактору журнала «Юная Россия» Е. Н. Тихомировой, имеющегося в рукописных материалах к повести, Шмелев пишет: «...я хотѣлъ вложить въ молод<ыя> сердца надежду, что лучшая¹⁶ жизнь впереди, она идетъ и придетъ, но придетъ <...> при общихъ усиліяхъ людей труда и науки... Вѣдь въ нашей литературѣ для юношества такъ мало цѣльныхъ вещей, которыя преслѣд<уютъ> намѣч<енную> мною цѣль. Вѣдь бѣдна наша литература» (ЧА 13, 70 об.) Ту же мысль писатель излагает и в письме к редактору другого детского журнала «Родник», Н. А. Альмединген, в котором также, несколько позднее, издавались его произведения для детей и юношества: «...постараюсь и впредь быть полезен журналу Вашему, одному из немногих журналов, стойко вносящих в сердца юной России идеи добра, правды и общечеловеческой любви. Нелегкое это дело у нас, а как нужно все это нашей многомиллионной стране, нужно особенно в наше злое время общей расхлябанности и неустоев» (цит. по: [2, 187]). В другом письме к этому же редактору Шмелев прямо говорит: «Мечта моя — иметь читателя из широких народных слоев. Им бы хотелось сказать доброе и ободряющее слово. Им, откуда глядят на меня будущие люди, простые сердцем, которые построят к<огда>-н<ибудь> иную жизнь, простую и красивую, человеческую жизнь» (цит. по: [2, 190]).

Рассказать о возможности такой «простой и красивой» человеческой жизни и решил Шмелев на страницах своей повести. Очерк о деревне, таким образом, становится предысторией повествования о нелегкой судьбе мальчика Сени, который теперь «увѣренно шелъ въ новую жизнь» (ЧА 13, 64 об.).

Во **Втором варианте Второй редакции** Шмелев развивает главную идею Первого варианта, изменяя в то же время некоторые сюжетные линии. Например, во **Втором варианте** нет сцены посещения героем церкви; встреча со студентами «спасает» мальчика от отчаяния в чуждом ему городе, позднее они знакомят мальчика с профессором-наставником.

Главное отличие Второго варианта Второй редакции состоит в отсутствии большинства «деревенских» персонажей Первой редакции: оставлены автором только необходимые для художественного выражения различных точек зрения на зарождающиеся перемены. Изменяется и художественное пространство текста. Если в Первой редакции художественный мир очерка был ограничен деревней, то во Второй редакции пространство расширяется. Главный герой попадает в совершенно иной мир, в город, сначала поразивший его серостью, жестокостью, равнодушием, а затем «подаривший» ему «новую жизнь». Налаживать эту «новую жизнь» в конце повести собирается вернувшийся в родную деревню Сеня. Таким образом, во Второй редакции автор приходит к кольцевой композиции повести, сохранившейся и в Окончательной редакции.

Несмотря на счастливый финал, повествовательная ткань произведения не окрашена исключительно в светлые, радужные краски. С момента попадания героя в город окружающий его мир делится на две антитетические части. Довольно детально прописана автором и неприглядная сторона городской жизни с ночлежными домами, бездомными, нищими людьми, готовыми терпеть унижения от хозяев за возможность заработать гроши. В повести есть изображение детей без детства, регулярно получающих побои за малейшие провинности. Таков Васька-шпитонок с предопределенной судьбой, не знавший родительской ласки, избиваемый своими хозяевами, работающий на них с шести утра до восьми вечера и завидующий Сене даже в том, что тот видел леса, поля, просторы. В Первом варианте Второй редакции (наброски на разрозненных листах) этот герой умирает на глазах у Сени, доводя его отчаяние до предела. Впоследствии автор отказывается от подобного развития сюжета, убирая из повествования смерть Васьки, который вполне устраивает свою судьбу — становится рабочим человеком, заняв достойное место в обществе.

Шмелев, на страницах своих произведений всегда стремившийся к описанию всех проявлений сложной и многообразной жизни, не обходит тему смерти в повести. Среди

персонажей очерка, сохранившихся и во Втором варианте, есть сестра Сени Танька — младенец, спящий в грязной люльке и постоянно кричащий от кашля: «Коклюшъ уже четвертую недѣлю мучиль ее, но къ доктору не обращались» (ЧА 13, 3). Как в очерке, так и во Второй редакции повести, Танька умирает от простуды. Изображая смерть девочки, автор акцентирует внимание на необразованности деревенских жителей, их недоверии врачам, вере в чудо, а не в медицину, и как бы подводит читателя к выводу о значимости образования, науки, знаний. Девочка умирает «къ вечеру», а Сеня плачет рядом, сидя на лавке рядом с «посинѣвшимъ тѣльцемъ» (ЧА 13, 6). Темнота вечера — как метафора той темноты народа, в которой он пребывает.

Противопоставление «темный—светлый» — одно из наиболее частотных в произведениях автора, а эпитет «светлый» — один из самых «любимых» эпитетов Шмелева, всегда стремившегося сделать «светлыми» страницы своих произведений. Посредством этого эпитета характеризуются добрые намерения встреченных Сеней студентов, «затаенной мыслью» которых было «поднять меньшого брата изъ тьмы¹⁷ и возвести на свѣтлую дорогу» (ЧА 13, 39 об.), отношение к мальчику Кирилла Семеныча, который «указаль <...> свѣтлый лучъ въ темной жизни», дав книгу и поселив в душе главного героя тягу к знаниям (ЧА 13, 65 об.).

В тексте повести слово *солнце*, главной характеристикой которого является способность излучать свет, также обладает высокой частотностью употребления. «Идея Солнца, какъ благодѣтеля» (ЧА 12, 6) появляется уже в Первом варианте Второй редакции (наброски на разрозненных листах). Донести эту идею призван образ профессора, поведшего героя по пути знаний. Его прототипом стал известный ботаник К. А. Тимирязев, лекции и занятия которого посещал Иван Сергеевич, учась на юридическом факультете Московского университета. Тимирязев в то время являлся реальным наставником как для студентов, так и для многих своих современников, активно пропагандируя знания среди простого народа, устраивая публичные лекции и описывая сделанные им научные открытия в доступной форме в своих трудах.

Ю. А. Кутырина, племянница жены писателя и его биограф, говорит о том, что Шмелев в годы обучения в Московском университете «слушает с увлечением лекции <...> Тимирязева по ботанике. “Жизнь растений” Тимирязева стала настольной книгой Ив. Сергеевича» [8, 408–409]. Знакомство Шмелева с известным ботаником стало источником, позволившим писателю совершенно по-новому представить героя-ученого в своей повести, предназначенной прежде всего молодому поколению, юношеству. Введение персонажа, в котором довольно легко узнается современник, обладавший в те времена громадной популярностью, способствует более яркому выражению идеи доступности и необходимости образования.

Выразителями идеи важности образования становятся и более «взрослые» персонажи. За учение, за книгу берутся и Кирилл Семеныч, и Сократ Иваныч — люди из народа, простые рабочие.

Сосредоточиваясь в своих ранних произведениях на изображении социальной стороны жизни, Шмелев уделяет внимание и духовно-нравственному развитию героев. На протяжении всего творчества писателя «интересуют те моральные основы, которыми руководствуется человек <...> в выборе жизненной позиции» [3, 803]. М. М. Дунаев указывает на переходное произведение в творчестве писателя — повесть «Человек из ресторана», — когда Шмелев начинает «отдавать предпочтение религиозной истине» [3, 803]. Однако и в рассматриваемой нами ранней повести «В новую жизнь» писатель через посредство разных героев напоминает: «Бога не забывай». Так, студент, помогший главному герою в трудную минуту, — сын псаломщика и до университета учился в семинарии, и отец Сени, приехавший проведать сына в город и согласившийся на его учебу у студентов, говорит ему: «тебѣ Богъ счастье послалъ... Ты молиться долженъ навсегда за ихъ... <...> ты Сенька Бога не забывай!..» (ЧА 13, 41). В конце повести Сеня с родителями, гордыми сыном, идет к воскресной обедне, думая о своем светлом будущем, о труде на любимой дедом земле, которой кладет низкий поклон.

Заканчивая повесть трогательным письмом Кирилла Семеныча к Сене, автор снова ставит душу и разум рядом. Кирилл Семеныч пишет: «Молюсь я за тебя, Сеня, молюсь и пошлеть тебѣ Господь за все!.. <...> наука такая штука, я тебѣ скажу, что даже и понять нельзя... Она... <...> всю жизнь перевернетъ... и ничто передъ ней не устоитъ...» (ЧА 13, 69).

Шмелев, углубляя во Второй редакции идею церковно-календарной жизни деревни, связанную с природными циклами, дополняет ее важностью духовно-нравственных основ. Писатель в то время «безотчетно верил» в «точное знание»¹⁸, несущее «свет разума» как способность к познанию мира материального. Потому внимание автора сконцентрировано на идее научного познания природы и жизни, на необходимости овладения этими знаниями, способными улучшить жизнь простого человека, помочь ему реализоваться, чтобы с гордостью смотреть на большой красивый город и говорить:

— А красива наша матушка-Москва! — сказ<аль>
Кир<илль> Сем<енычъ> <...>

— Да, хорошо!.. — сказ<аль> Сокр<атъ> Ив<анычъ>...
Нашими руками все... потомъ нашимъ... трудомъ...

<—> Трудомъ — сказалъ¹⁹ и Кунтенъ...²⁰

— И умомя! — сказ<аль> Кир<илль> Сем<енычъ>...

(ЧА 13, 66).

Фрагмент беловика — Третий вариант Второй редакции — текст, сохранившийся частично. Этот вариант содержит несколько сцен из «городской» жизни Сени, без начала и окончания. Персонажная система отрывков, равно как и их построение, совпадает с системой персонажей Второго варианта Второй редакции. Сравнительный анализ имеющихся сцен дает возможность предположить, что это Второй вариант Второй редакции, переписанный автором набело со стилистической правкой. Уже цитированный нами черновик письма к редактору журнала «Юная Россия» дает возможность предположить, что полный вариант белой рукописи хранился в редакции журнала: «Я, съ своей стороны, просиль бы схоронить рукопись, т. к. у меня въ черновики не всегда заноятся поправки и²¹ д<аже> цѣлыя сцены²².

Чистовая полная рукопись, б<ыть> мож<еть> пригодится мнѣ впослѣдствіи, когда условія цензуры²³ будутъ болѣе благоприятныя для²⁴ слова правды» (ЧА 13, 70 об.).

Редактируя и отделявая сцены, Шмелев сокращает эпизоды, убирая избыточную лексику и тем самым делая их более точными и выразительными. Симптоматично, что в Третьем варианте (беловике) практически отсутствуют исправления, сокращения слов, варианты. Например:

Второй вариант

День за днемъ таяли деревенскіа> впечатлѣнія. Мастерская и ея нравы,²⁵ шумъ желѣза и улицы²⁶, грохоть и стукъ мастерской, лязгъ и звонъ металла, едкій запахъ кислотъ и горна²⁷ подзатыльники и окрики хозяина и рыканье «мастеровъ» отодвигали²⁸ деревенскія впечатлѣнія, втягивали Сеньку въ жизнь²⁹ мастерской среды...³⁰ Часто особенно послѣ работы³¹ онъ хотѣлъ вызвать въ памяти родную сторону,³² и³³ все рѣже и рѣже это удавалось ему... Какая то сѣрая полоса стояла между нимъ и его³⁴ недавнимъ прошлымъ... И эта сѣрая полоса — были эти первыя недѣли его подневольной жизни (ЧА 13, 13).

Третий вариант

День за днемъ таяли впечатлѣнія деревни: ихъ выбивали изъ памяти суровые нравы мастерской, окрики и подзатыльники и этотъ вѣчный шумъ и лязгъ желѣза. Ёдкій запахъ кислотъ и горна вытравляли нѣжныя ощущенія, сохранившіяся въ памяти отъ жизни подъ чистымъ и свободнымъ небомъ, среди луговъ и полей. Лежа на кирпичномъ полу мастерской, Сеня пытался вызвать въ памяти сладкія грезы прошлаго, и это все рѣже и рѣже удавалось ему. Какая то сѣрая стѣна уже закрывала ихъ, эти грезы (ЧА 13, 73–73 об.).

Третья (Окончательная) редакция опубликована в 1907 году в одном из самых популярных в то время книгоиздательств — «Издания редакции “Юная Россия” и “Педагогический листок”» Д. И. Тихомирова. Повесть состоит из 28 глав, каждая из которых имеет свое название. Оглавление (черновой вариант) имеется на л. 9 Третьего варианта Второй Редакции. Названия частей повести совпадают с окончательными в опубликованном варианте. Единственное отличие имеется в названии 13-й главы: в черновом варианте она озаглавлена «У воротъ завода», а в Окончательной редакции — «Утренняя милостыня». Сопоставить содержание этих глав не представляется возможным, так как Второй

вариант (наиболее полный текст Второй редакции) не поделен на главы с названиями. Обращаясь к содержательной стороне 13-й главы в Окончательной редакции, отметим, что она повествует о старинном обычае «утренней милостыни», сохранившемся в Москве, когда торговцы «раздаютъ “грошики”» либо хлеб («саватейки») бездомным (1907, 72). Можно предположить, что данный эпизод был написан позже при редактировании и переделке Второго варианта Второй редакции, в котором имеется описание того, как Сеня, изгнанный из ночлежного дома по причине отсутствия денег и покровителя, бродит по городу, не зная, куда идти. Но если во Втором варианте Сеня встречает студентов на улице, то в Окончательной редакции он сам находит комнату студентов «На четвертом этаже» — так называется следующая глава в Окончательной редакции.

Главное отличие Окончательной редакции состоит в отсутствии одного из персонажей — Летунова. Исключение автором данного героя из повести, по всей видимости, произошло по просьбе издателей произведения. Об этом можно судить из уже упоминаемого нами черновика письма к редактору журнала «Юная Россия» Е. Н. Тихомировой, где он пытается объяснить важность этого персонажа в повествовательной ткани повести, вполне понимая «тѣ уважительныя причины, которыя заставляють <...> устранить изъ повѣсти вводное лицо — Летунова. Въ немъ я (И. С. Шмелев. — О. С.) хотѣлъ представить безкорыстнаго <...> радѣтеля о³⁵ интересахъ трудящихся. Но если нельзя показать юношеству <...> этой стороны жизни, которая, развернется передъ нимъ³⁶ черезъ нѣсколько времени въ полную³⁷ картину, — я примиряюсь³⁸ съ этимъ.³⁹ Введя Летунова, я нѣсколько хотѣлъ полнѣе⁴⁰ и точнѣе изобразить смыслъ⁴ перестройки нашей жизни» (ЧА 13, 70). Вероятнее всего, просьба издателей исключить этот персонаж из действующих лиц повести связана с цензурными соображениями. Опыт с изданием «Служителей правды», где автор показывает неприглядные стороны социальной жизни, осуждая антисемитизм, был слишком свеж в издательстве «Юная Россия»: журнал с повестью «не дошел до юных читателей, так как был изъят, чтение его в школах было запрещено. Это запрещение длилось

шесть месяцев» [10, 48]. Понятие «правды» слишком зыбко в беспокойное предреволюционное время, а образ «Летуна» (Летунова) — образованного молодого человека, борца за права рабочих, за улучшение условий труда, за правду — мог показаться цензуре «вредным» для молодого поколения:

...гдѣ то на югѣ Летунъ устроилъ забастовку на фабрикѣ и съ толпой рабочихъ⁵⁵ прошелъ по улицамъ... Да, этотъ «Летунъ» первый заставилъ рабочихъ громко сказать — Мы тоже люди! Мы граждане и требуемъ себѣ правъ, лучшей платы и меньшей работы. Всѣ знали, что Летунъ не щадитъ своей головы, что его полиція счит<аетъ> за бунтовщика (ЧА 13, 30).

Также Третью редакцию от Второй отличает стилистическая правка текста, цель которой — художественная отделка текста, его совершенствование. Характер вносимых изменений разнообразен: это и сокращения, и дописывание отдельных фрагментов, замена слов и оборотов речи, изменение синтаксических структур текста. Правка довольно существенная, но не меняющая идейно-тематическую направленность повести.

Например, редактируя эпизод известия о смерти студента, Шмелев значительно перерабатывает его, углубляя смысловое наполнение, делая значимые детали картины более выразительными.

Второй вариант Второй редакции

...Сеня сидѣлъ, какъ прикованный, думая о Семеновѣ⁴³ и сердцѣ его ныло и плакало...⁴⁴ <...> Семеновъ! —⁴⁵ <...> и <Сеня> зарыдалъ⁴⁶, жалобно, какъ ребенокъ. Онъ въ сущности еще и былъ ребенкомъ съ⁴⁷ чистымъ мягкимъ> нетронутымъ⁴⁸ сердцемъ въ свои 13 лѣтъ. Изъ его жизни чья то властная и страшная рука вырвала дорогое, что онъ носилъ въ сердцѣ.
(ЧА 13, 54 об.-55).

Третья редакция

...Сеня, потрясенный, сидѣлъ на ступенькахъ террасы. Тяжкая грусть, можетъ быть, первое ясно сознанное горе давило сердце. И эта страшная тишина подъ грозой, это черное небо, мигающее невидимыми глазами, эти безтолковые кузнецы, отпѣвающие уходящее лѣто, — еще сильнѣе давили сердце... Семеновъ!.. Его нѣтъ теперь... <...> Чья-то властная рука вырвала изъ его жизни самую свѣтлую страницу (1907, 112).

В Окончательной редакции Сеня сидит «потрясенный», а не «как прикованный», первый раз «ясно сознавая горе». Именно сдвиг акцента с констатации факта психологического состояния Сени на осознание им утраты актуализирует семантику расставания главного героя с детством. Картина природы метафорически углубляет содержание эпизода: заканчивающееся детство — как уходящее лето, отпеваемое кузнечиками, на фоне тишины перед грозой. Эпитет «светлый», один из наиболее часто встречающихся эпитетов в произведениях автора, здесь контрастирует со степенью ужаса и отчаяния Сени, переживающего смерть студента и чувствующего, будто «чья-то властная рука вырвала из его жизни самую свѣтлую страницу» (1907, 112). Как в вершинном произведении Шмелева «Лето Господне», так и в повести «В новую жизнь» в момент осознания ребенком смерти рядом с ним находится наставник. Символично, что в обоих произведениях семантическая нагрузка этого события равнозначна: «...утрата и завершение Детства равноценны <...> в своем абсолютном слиянии» [7, 70].

Обратимся также к эпизоду на Воробьевых горах, откуда Сеня со своими новыми друзьями смотрит на Москву.

Второй вариант Второй редакции

Садилось солнце и весь городъ-гигантъ <тъ> б<ыль> облить бѣловато-розов<ымъ> цвѣтомъ... Сверкали кресты и шпили, какъ гигантскій шлемъ — тонулъ въ бѣл<о>-розовой дымкѣ храмъ Спасителя... Выдѣлялась⁴⁹ сѣрой стрѣлой Сухарева башня...⁵⁰ Легкій гуль, долеталъ отъ Москвы, гуль миллионного гнѣзда, гдѣ подъ крышами таилось горе и счастье, трудъ и ничегонедѣланіе, бо<атство> и бѣдность, вся сложная разнообр<азная> чело<вѣч>еская жизнь... (ЧА 13, 66).

Третья редакция

Садилось солнце, и весь городъ-гигантъ былъ облить золотисто-розовымъ свѣтомъ. Сверкали кресты и шпили; исполинскимъ шлемомъ тонулъ въ сѣровато-розовой дымкѣ храмъ Спасителя; сѣрой стрѣлой выдѣлялась Сухарева башня. Неясный гуль долеталъ отъ Москвы, гуль миллионнаго гнѣзда, гдѣ подъ крышами таилось горе и счастье, трудъ и бездѣлье, роскошь и нищета, — вся сложная людская жизнь (1907, 139).

Эти отрывки также отличает стилистическая правка. Шмелеву более гармоничной кажется «золотисто-розовая» цветовая гамма вечернего света, а не «беловато-розовая».

Контрастные пары, выражающие сущностную наполненность города, автор заменил на более точные: «труд и ничегонеделание» — на «труд и безделье», «богатство и бедность» — на «роскошь и бедность».

Глядя на город, Сеня с товарищами видит и храм, и башню. Шмелев, в текстах которого никогда не было ничего случайного, все «художественно вѣситъ, отѣняетъ, “говорить”» [1, 151], дополняет картину большого города, соединяющего в себе бесконечное множество контрастов, символами как православного христианства, так и одним из главных гражданских архитектурных символов Москвы. В XIX веке приезжающий в столицу считал своим долгом помолиться в Храме Христа Спасителя и побывать у Сухаревой башни. В ее истории интересен тот факт, что в XVIII веке здесь располагалось престижное учебное заведение — «Школа математических и навигационных наук». Таким образом, Сухарева башня — в некотором роде символ науки, знаний. Шмелев стремится дать целостную картину мира, где неразделимы духовность и образованность, разум и сердце.

Анализ рукописного материала показывает генезис первоначального замысла, обусловившего изменение как жанра произведения (очерк перерос в повесть), так и его идейно-тематического содержания. Творческий процесс создания повести, шедший в два этапа и представленный тремя редакциями, хронологически продолжался почти восемь лет.

Первая редакция (очерк), по замыслу И. С. Шмелева, должна была показать жизнь деревни. Значительное место в повествовании, наряду с изображением социальной составляющей деревенского быта, отведено пространным пейзажным зарисовкам, зримо выявляющим проблему отдаления человека от природы. Увлеченный в годы студенчества взглядами ученого-ботаника Тимирязева, Шмелев на втором этапе работы над произведением (отраженном, как уже говорилось, в трех вариантах Второй редакции) решает проблему восстановления связей человека и природы в материалистической традиции. Вероятно, причиной, заставившей

автора сосредоточить внимание юных читателей на спасительной силе науки, было убеждение Шмелева в том, что одной из причин «застоя» провинции, в котором она тогда пребывала, является неграмотность и необразованность людей.

Автор также пытается представить пути возможного преодоления разобщенности жизни деревни и города, повествуя о счастливо устроившейся жизни мальчика, сумевшего избежать предназначенной ему обществом участи нищего крестьянина. Направленность освещения этой темы в повести выявляет влияние М. Горького — писателя, ранние произведения которого отличались героизацией простого человека, выходца из народа. Безусловно, авторское видение решения этой проблемы, рассматриваемое с позиции современности, романтично. Но в начале XX века такая «счастливая развязка органична и не кажется искусственной: она продиктована самим временем» [5, 36], когда еще вера в счастливые перемены жизни, присущая многим русским писателям, была не чужда и Шмелеву.

Примечания

* Исследование выполнено по гранту Министерства образования и науки России «Новые источниковедческие и текстологические исследования русской словесности XIX–XX веков» (№ 34.1126).

¹ Шмелев И. С. Автобиография с библиографическими сведениями о напечатанных произведениях 1913 мая 23 // НИОР РГБ. Ф. 387.10.01. Л. 2.

² Там же.

³ Там же.

⁴ 1) НИОР РГБ. Ф. 387.1.12. 59 л. — далее: ЧА 12; 2) НИОР РГБ. Ф. 387.1.13. 80 л. — далее: ЧА 13. Ссылки на рукописные источники приводятся в тексте статьи с использованием условных сокращений и указанием номера листа в круглых скобках.

⁵ Шмелев И. С. Въ новую жизнь. М.: Издание редакціи журналовъ «Юная Россія» и «Педагогическій листокъ», 1907. 151 с. Далее ссылки на это издание приводятся в тексте статьи с указанием года издания и страницы в круглых скобках.

⁶ Большинство исследователей пишут о периоде службы как о времени, когда он «почти десять лет» [10, 43], [1, 140] «с 1895 по 1905 год <...>

не пишет ни единой строки» [8, 408]. Да и сам Шмелев в своей автобиографии говорит о том, что «до 1905 года не писал и не посылал ничего в редакции» (см.: Шмелев И. С. Автобиография с библиографическими сведениями о напечатанных произведениях 1913 мая 23 // НИОР РГБ. Ф. 387.10.01. Л. 1 об.). Черников А. П. исправляет эту неточность, основываясь на имеющийся в отделе рукописей Российской государственной библиотеки автограф повести «Чужой», датированный 1903 годом [11, 21–23], что сокращает «неписательский» период до шести лет. Датировка же черновиков повести «В новую жизнь» делает перерыв в занятиях Шмелева писательством и вовсе четырехлетним.

⁷ *Далее было:* под

⁸ *Далее было:* заостренн<ой>

⁹ *Далее было:* а. на кот<орой> б. вѣчно взѣрошенный

¹⁰ *Далее было:* <нрзб.>

¹¹ *Было:* Кромѣ того онъ пиль — *исправлено автором:* Природа, свобода и водка —

¹² несложный *вписано.*

¹³ теперь *вписано.* *Далее было:* за

¹⁴ *Было:* а. О б. Ой — *исправлено автором:* Эхъ

¹⁵ Отголоски этой идеи встречаются в авторских набросках сказки о Любви, Знании и Счастьи, имеющих в записных тетрадях Шмелева 10-х годов. (НИОР РГБ. Ф. 387.09.05. Л. 2 об.). Смысловым центром этих набросков является идея возможности Счастья только при гармоничном соединении Любви и Знания. Безусловно, нельзя утверждать, что именно эта сказка легла в основу повести, но очевидна ее близость к идейно-тематическому уровню произведения: «...ты учоный я рабочий... Мы буд<емъ> итти рука объ руку и создав<ать> счастье» (ЧА 12, 6).

¹⁶ лучшая *вписано.*

¹⁷ *Далее было:* и тяжело

¹⁸ См. об этом автобиографическое произведение: И. Шмелев. Старый Валаам // И. Шмелев. Собрание сочинений: в 5 т. М.: Русская книга, 1998. Т. 2. С. 406.

¹⁹ *Было:* пов<ториль> — *исправлено автором:* сказалъ

²⁰ *Далее было:* — А мы живемъ въ норахъ!.. —

²¹ *Далее было:* чи

²² *Далее было:* а. которыя иногда б. И если

²³ *Было:* печати — *исправлено автором:* цензуры

²⁴ *Далее было:* а. чис б. чистаго

²⁵ *Далее было:* грохотъ

²⁶ таяли деревенск^ія впечатлѣнія. Мастерская и ея нравы, шумъ желѣза и улицы *вписано*.

²⁷ *Было: а. «отравы» для отдѣлки мѣди, засл б. в в. крик — исправлено автором: кислотъ и горна*

²⁸ *Далее было: в*

²⁹ *Далее было: городской*

³⁰ *Далее было: Ему*

³¹ *особенно послѣ работы вписано.*

³² *Далее было: но <нрзб.>*

³³ *Далее было: съ*

³⁴ *Далее было: про*

³⁵ *Далее было: ра*

³⁶ *Далее было: ску*

³⁷ *Было: во всей полн<отѣ> — исправлено автором: въ полную*

³⁸ *Далее было: вп*

³⁹ *Вместо точки было: и буду ждат<ь>*

⁴⁰ *Далее было: из*

⁴¹ *Далее было: и*

⁴² *Далее было: <нрзб.>*

⁴³ *Далее было: и и*

⁴⁴ *Далее было: А В*

⁴⁵ *Далее было: Сеня вспомн<иль> какъ*

⁴⁶ *Было: заплакалъ — исправлено автором: зарыдалъ*

⁴⁷ *съ вписано.*

⁴⁸ *мягк<имъ> нетронут<ымъ> вписано.*

⁴⁹ *Было: а. Чернѣлъ б. Сѣр — исправлено автором: Выдѣлялась*

⁵⁰ *Далее было начато: а. А б. Т*

Список литературы

1. Ильинъ И. А. О тьмѣ и просвѣтленіи. — Мюнхенъ: Типографія Обители преп. Іова Почаевскаго въ Мюнхенѣ-Оберменцингѣ, 1959. — 196 с.
2. Вильчинский В. И. С. Шмелев в журнале «Родник» // Русская литература, 1966. — № 3. — С. 185–190.
3. Дунаев М. М. Вера в горниле сомнений: Православие и русская литература в XVII–XX веках. — М: Издательский Совет Русской Православной Церкви, 2003. — 1056 с.
4. Колесова Л. Н. Детские журналы России (1785–1917). — Петрозаводск: Изд-во ПетрГУ, 2014. — 260 с.

5. Костылева И. А. Начало пути. Творчество И. С. Шмелева Владимирского периода // Дорога к солнцу: владимирский период жизни и творчества Ивана Сергеевича Шмелева. — Владимир: Транзит-ИКС, 2013. — С. 29–36.
6. Кошелев В. А. «Неупиваемая чаша» Шмелева: «усадебное» и «духовное» // Вестник Новгородского государственного университета. — 2004. — № 29. — С. 43–49.
7. Кудряшова А. А. Трагедия смерти у Толстого и Шмелева // Вестник МГОУ. Сер.: Русская филология. — 2013. — № 4. — С. 65–70.
8. Кутырина Ю. А. Иван Сергеевич Шмелев (Биографический очерк, составленный Ю. Кутыриной) // Ив. Шмелев. Избранные рассказы. — Нью-Йорк: Изд-во имени Чехова, 1955. — С. 405–412.
9. Соболев Н. И. Из творческой истории повести И. С. Шмелева «Неупиваемая чаша» // Проблемы исторической поэтики. — Петрозаводск: Изд-во ПетрГУ, 2012. — Вып. 7: Евангельский текст в русской литературе XVIII–XX веков: цитата, реминисценция, мотив, сюжет, жанр. — С. 328–342.
10. Сорокина О. Н. Московянина: Жизнь и творчество Ивана Шмелева. — М.: Московский рабочий, Скифы, 1994. — 400 с.
11. Черников А. П. Проза И. С. Шмелева: концепция мира и человека. — Калуга: Калужский областной институт усовершенствования учителей, 1995. — 344 с.

Oksana A. Sosnovskaya

*Petrozavodsk State University
(Petrozavodsk, Russian Federation)*

sosna2679@yandex.ru

GENESIS OF THE PLOT AND THE GENRE OF THE CREATIVE HISTORY OF SHMELEV'S SHORT NOVEL "TOWARD A NEW LIFE"

Abstract. The beginning of Shmelev's career is associated with children's literature. In the early 20th century, the writer creates a significant number of works for children, published in magazines for young people. In one of these magazines — "Young Russia" — there was published Shmelev's story *Toward a new life*. The article is devoted to studying the creative history of this story: following the process of origin and genesis of an artistic idea of the text, analyzing the stages of its creation, editions and poetics. The working process had two phases and found its reflection in three editions of the story. At the first stage the writer was working upon a sketch of the life of contemporary villages. Later this essay became a prehistory of the short novel about a country boy torn out of his ambiance and seeking for his way in

life. Not only the genre changed but the ideological content of the work became extended as well. The core idea of the author that is present throughout the story is the idea of scientific perception of nature and life, receiving education that is able to improve life of a common man. In the story *Toward a new life*, focused on representing a social aspect of life, there are revealed the beginnings of the author's original writing manner, his unique style and language.

Keywords: I. S. Shmelev, *Toward a new life*, creative history, editions, poetics

References

1. Il'in I. A. *O t'me i prosvetlenii* [About darkness and enlightenment]. Munich, Printing Monastery of St. Job of Pochayiv in Munich-Obermenzing, 1959. 196 p.
2. Vil'chinskiy V. I. Shmelev v zhurnale *Rodnik* [Shmelev in the journal "Spring"]. *Russkaya literatura* [Russian literature], 1966, no. 3, pp. 185–190.
3. Dunaev M. M. *Vera v gornile somneniy: Pravoslaviye i russkaya literatura v XVII–XX vekakh* [Faith in the crucible of doubts: Orthodoxy and Russian literature in the 17th–20th centuries]. Moscow, Publishing Council of the Russian Orthodox Church, 2003. 1056 p.
4. Kolesova L. N. *Detskie zhurnaly Rossii (1785–1917)* [Children's magazines in Russia (1785–1917)]. Petrozavodsk, Petrozavodsk State University Publ., 2014. 260 p.
5. Kostyleva I. A. Nachalo puti. Tvorchestvo I. S. Shmeleva Vladimirsogo perioda [The Beginning. Shmelev's Creativity of Vladimir period]. *Doroga k solntsu: vladimirskiy period zhizni i tvorchestva Ivana Sergeevicha Shmeleva* [The Road to the sun: Vladimir period of the life and work of Ivan Sergeevich Shmelev]. Vladimir, Tranzit IKS Publ., 2013, pp. 29–36.
6. Koshelev V. A. «Neupivaemaya chasha» Shmeleva: «usadebnoe» i «dukhovnoe» [“Inexhaustible Chalice” of Shmelev, “the Manors” and “the spiritual”]. *Vestnik Novgorodskogo gosudarstvennogo universiteta* [Bulletin of Novgorod State University], 2004, no. 29, pp. 43–49.
7. Kudryashova A. A. Tragediya smerti u Tolstogo i Shmeleva [The Tragedy of death in Tolstoy's and Shmelev's works]. *Vestnik MGOU. Seriya: Russkaya filologiya* [Bulletin of MRSU. Series: Russian philology], 2013, no. 4, pp. 65–70.
8. Kutyrina Y. A. Ivan Sergeevich Shmelev (Biograficheskiy ocherk, sostavlenyy Yu. Kutyrinoy) [Ivan Sergeevich Shmelev (Biographical sketch compiled by Y. Kutyrina)]. *Iv. Shmelev. Izbrannyye rasskazy* [I. Shmelev. Selected stories]. New York, Publishing House of Chekhov, 1955, pp. 405–412.

9. Sobolev N. I. Iz tvorcheskoy istorii povesti I. S. Shmeleva «Neupivaemaya chasha» [From the creative history of Shmelev's novel "Inexhaustible Chalice"]. *Problemy istoricheskoy poetiki [The problems of historical poetics]*. Petrozavodsk: Petrozavodsk State University Publ., 2012. Vol. 10: *Evangel'skiy tekst v russkoy literature XVIII–XX vekov: tsitata, reministsentsiya, motiv, syuzhet, zhanr [The Gospel text in Russian Literature of the 18th–20th Centuries: quotation, reminiscence, motive, plot, genre]*. Issue 7, pp. 328–342.
10. Sorokina O. *Moskoviana: Zhizn' i tvorchestvo Ivana Shmeleva [Moskoviana: Life and Work of Ivan Shmelev]*. Moscow, Moscow Worker, Scythians, 1994. 400 p.
11. Chernikov A. P. *Proza I. S. Shmeleva: kontseptsiya mira i cheloveka [The prose of I. S. Shmelev: the conception of the world and the man]*. Kaluga, Kaluga Regional center of professional development for teachers Publ., 1995. 344 p.

Дата поступления в редакцию: 30.07.2015